

Форостецкий Михаил Сергеевич

**ВКЛАД П. А. СТОЛЫПИНА В ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ
МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Статья раскрывает вклад Петра Аркадьевича Столыпина в разрешение межконфессиональных конфликтов в период нахождения его в должности министра внутренних дел Российской империи, а в последующем премьер-министра. Изучение мнения и действий Столыпина в разрезе формирования правовой политики в сфере межконфессиональных отношений происходит на основании публичных речей, писем и иных письменных источников, а также мнения его современников. В заключение делается вывод о колоссальном вкладе Столыпина в формирование свободы совести в российском обществе начала XX века.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/6-1/51.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (44): в 2-х ч. Ч. I. С. 190-193. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

5. Липман О. Экономическая психология и психологическая профконсультация. М.: Вопросы труда, 1925. 64 с.
6. Лях В. И. Профильное самоопределение учащихся на этапе предпрофильного обучения: автореф. дисс. ... к. пед. н. Красноярск, 2005. 22 с.
7. Медова Н. Н. Актуальность педагогических идей 20-30-х гг. XX в. в контексте современного реформирования образования // Педагогическое образование в России. 2011. № 1. С. 50-53.
8. Приступа О. В. Педагогические основы подготовки к трудовой занятости выпускников школ Германии: автореф. дисс. ... к. пед. н. Томск, 2002. 23 с.
9. Разумова Е. В. Стандартизация образования в России и за рубежом (80-е гг. XX – начало XXI в.): сравнительный анализ: автореф. дисс. ... к. пед. н. Ульяновск, 2009. 23 с.
10. Торопов Д. А. Контроль качества образования в европейских странах // Совершенствование обучения технологии в общеобразовательной школе и педагогическом вузе: теория и практика: в 2-х ч. Владимир, 2001. Ч. 2. С. 87-93.
11. *Arbeitslehre im Sekundarbereich* // Reihe 2. Arbeitsbücher. Der Mensch am Arbeitsplatz. Berlin: Herrman Schrödel Verlag KG, 1987. 71 S.
12. Kaiser F.-J. Neue Aus- und Weiterbildungsmethoden – ein pluralistisches Methodenangebot in einer monistischen Methodenpraxis. Eine Bestandsaufnahme der Modernisierungsdebatte. Pfaffenweiler: Centaurus, 2000. 319 S.
13. Münch J. Das Berufliche Bildungswesen in der Bundesrepublik Deutschland. 3 Aufl. / hrsg. vom CEDEFOP. Luxemburg, 1997. 207 S.

VOCATIONAL SELF-DETERMINATION OF THE GERMAN PUPILS IN HISTORICAL AND PEDAGOGICAL ASPECTS

Fisunova Natal'ya Viktorovna, Ph. D. in Pedagogy
Naidenova Margarita Viktorovna, Ph. D. in Philology
Ostrovskaya Ol'ga Valer'evna, Ph. D. in Philology

Belgorod State National Research University
Fisunova@bsu.edu.ru; Naidenova@bsu.edu.ru; Saveljeva@bsu.edu.ru

In the article the problem of vocational self-determination in a modern school is considered. The goal of the work is to analyze the scientific and educational experience of the system of vocational guidance in the Federal Republic of Germany. The orientation of the Russian education to the European and world standards with the purpose of the modern system of continuing education formation conditions the topicality of the research. The authors retrace the formation and development of education in close interconnection with the historical processes of the political and socio-economic development of Germany. The result of the research should be a detailed comprehension of native problems in this sphere.

Key words and phrases: vocational self-determination; system of vocational guidance in the Federal Republic of Germany; vocational counselling service; dual principle of vocational education; labour school of Germany.

УДК 342

Юридические науки

Статья раскрывает вклад Петра Аркадьевича Столыпина в разрешение межконфессиональных конфликтов в период нахождения его в должности министра внутренних дел Российской империи, а в последующем премьер-министра. Изучение мнения и действий Столыпина в разрезе формирования правовой политики в сфере межконфессиональных отношений происходит на основании публичных речей, писем и иных письменных источников, а также мнения его современников. В заключение делается вывод о колоссальном вкладе Столыпина в формирование свободы совести в российском обществе начала XX века.

Ключевые слова и фразы: П. А. Столыпин; премьер-министр; межконфессиональные проблемы; свобода совести; РПЦ; Государственная Дума.

Форостецкий Михаил Сергеевич

Белгородский университет кооперации, экономики и права
belimperial-fm@yandex.ru

ВКЛАД П. А. СТОЛЫПИНА В ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ[©]

О приоритетности разрешения межконфессиональных проблем для Петра Аркадьевича можно судить, исходя из его реакции на думскую инициативу С. А. Муромцева, направившего в Министерство внутренних дел «Основные положения законопроекта о свободе совести». Получив данный документ, Столыпин обещал безотлагательно внести свои соображения на обсуждение Совета министров [9, д. 39].

17 июля 1906 года П. А. Столыпин в качестве министра внутренних дел внес в Совет министров представление о «свободе совести». Предложения по внесению изменений в действовавшее в Российской империи

законодательство были радикальными. Министр предлагал разрешить без ограничений переход из одного вероисповедного состояния в другое любому лицу, достигшему семнадцати лет, а также отменить все ограничения в правах и свободах по вероисповедному признаку. Необходимо отметить, что предполагалось утвердить равенство всех вероисповеданий в проповеди, богослужении и совершении обрядов. Что касается взаимоотношений государства и Русской православной церкви, предполагалось сохранить обязательным условием принадлежность императора, императрицы, наследника, его супруги к православной вере, установить охрану православных священнослужителей от любых посягательств и утвердить обязательное участие Русской православной церкви в государственных торжествах и церемониях [10, д. 7].

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что Столыпин предлагал установить в Российской империи свободу совести в полном объеме почти на современном уровне.

8 июля 1906 года Столыпин стал премьер-министром Российской империи, при этом он остался в должности министра внутренних дел по воле государя императора Николая II. Петр Аркадьевич, возглавив Государственный Совет, сохранил курс реформ в области межконфессиональных отношений, его взгляды в большинстве своем остались прежними, однако сами предложения по реформированию стали более сдержанными.

24 августа 1906 года в правительственном сообщении было заявлено, что вопрос о свободе вероисповедания стоит для действующего кабинета министров на первоочередном месте [6, с. 30-31].

6 марта 1907 года Столыпин впервые выступает в Государственной Думе второго созыва в качестве председателя Совета министров, где произносит речь о положении дел в Российской империи, а также о законодательских инициативах правительства в ближайшей перспективе [1].

В указанной речи он касался и проблем в области свободы вероисповедания. Столыпин разделил свободы и права, дарованные манифестом 17 октября, но утвержденные на законодательном уровне, на две группы: первая – свобода слова, собраний, печати, союзов, которые были определены временными правилами, а вторая группа – свобода совести, неприкосновенность личности, жилищ, тайна корреспонденции были не нормированы законодательством вовсе. «Вследствие всего, в целях выполнения задачи проведения в жизнь начал веротерпимости, правительство вменило себе прежде всего в обязанность подвергнуть пересмотру все действующее отечественное законодательство и выяснить те изменения, которым оно должно подлежать в целях согласования с указами 17 апреля и 17 октября 1905 года» [14, с. 156].

Премьер-министр отмечал, что правительство должно четко осознавать, что многовековая связь русского государства с Русской православной церковью обязывает положить в основу всех законов о свободе совести начала государства христианского, в котором она, как господствующая церковь, пользуется особым уважением и охраной со стороны государственной власти. Оберегая права и преимущества Русской православной церкви, власть тем самым призвана оберегать полную свободу ее внутреннего управления и устройства и идти навстречу всем ее начинаниям, находящимся на одной линии с государственной политикой. Государство, в лице его правительства, не может нарушиться многовековую историческую связь, ведь во все времена и во всех делах своих русский народ одушевлялся именем православия, с которым неразрывно связаны слава и могущество русской земли. Однако Столыпин отмечал, что права и преимущества Русской православной церкви не могут и не должны нарушать прав других исповеданий и вероучений [Там же, с. 157].

В целом Русская православная церковь оценила положительно речь Столыпина, об этом можно судить из телеграммы столичного митрополита Антония: «Первое выступление министерства в Государственной Думе в лице вашем было полно достоинства, авторитета и власти. Сердечно вас приветствую и призываю Божие благоговение на дальнейшие труды ваши» [8, с. 49].

В начале мая 1909 года Петр Аркадьевич начинает готовиться к выступлению в Государственной Думе по вероисповедному вопросу и запрашивает ряд сведений в записке к Гурлянду. Вот что интересовало премьер-министра: «В какие годы и сколько времени продолжалось заведывание Синодом делами католического, протестантского, еврейского и др. вероисповеданий и точна ли эта справка? Дайте мне также справку про положение патриарха в московский период (его приходы, суды, темницы). Собирали ли хоть один поместный собор со времени учреждения Св. Синода?» [11, д. 79]. Все данные, полученные от члена Совета министров, Столыпин будет использовать в своей речи как факты, доказывающие необходимость закрепления существующих начал свободы вероисповедания и невозможности отделения Русской православной церкви от государства.

В обоснование своего мнения при выступлении в Государственной Думе Столыпин ссылаясь на выдающегося русского ученого Чичерина, который считал, что государство вправе наделять господствующую церковь и политическими, и имущественными правами. При этом чем выше политическое положение церкви в государстве, чем теснее она входит в область государственного организма, тем значительнее должны быть и права государства. То есть отказ государства от церковно-гражданского законодательства – перенесение его всецело в область ведения церкви – может привести к разрыву вековой связи, которая существует между государством и церковью, а данная ситуация, по мнению премьер-министра, недопустима [14].

В следующей записке Гурлянду Петр Аркадьевич спрашивал его мнение по нескольким вероисповедным вопросам: «Предоставьте мне также свои соображения по следующему вопросу... при переходе из одного вероисповедания в другое говорится о "разрешении" такого перехода, противники проекта заявляют, что можно говорить лишь о снятии кары и репрессий, но не о "разрешении". Не выйдет ли при этой (второй) постановке путаницы в дальнейших гражданских правах лиц, перешедших из православия при попустительстве лишь, но без разрешения государства» [11, д. 79]. Взгляд же Столыпина на проблему перехода из одного вероисповедного состояния в другое он изложил в своей речи в Государственной Думе. Премьер-министр считал, что это

дело исключительно пастырского, исключительно нравственного воздействия, и если кто-то представляет возможным связать с какими-либо карательными мерами, едва ли эти карательные меры соответствовали бы духу и началам вероисповедной свободы. Однако Столыпин считал недопустимым утверждение на законодательном уровне принципа, прямо говорящего о свободе перехода из христианства в нехристианство [14].

22 мая 1909 года Столыпин произносит речь в Государственной Думе, в которой описывает свои и правительства взгляды на свободу вероисповедания [2]. На указанном его выступлении необходимо остановиться подробнее. По мнению премьер-министра, начала религиозной свободы в Российской империи были заложены следующими нормативными актами: Указом 12 декабря 1904 г., Указом 17 апреля 1905 г. и Указом 17 октября 1905 г. Однако, несмотря на указы, ряд норм как гражданских, так и административных не соответствовали принятым нормативным актам, что, в свою очередь, требует законотворческого процесса, направленного на приведение законодательства к единому знаменателю.

В своей речи П. А. Столыпин проводил анализ отношения государства к церковному законодательству в течение XVII-XVIII веков, то есть в синодальный период. Он также касается очень важного вопроса непризнания законодательством Российской империи невероисповедного состояния: «Между тем, комиссия совершенно правильно признает, что у нас невозможно признание принципа невероисповедности, *Konfessionslosigkeit*. С одной стороны, комиссия идет гораздо дальше многих европейских законодательств, не знающих открытого признания перехода из христианства в нехристианство, с другой – комиссия не следует до конца за западными образцами и не решается признать принцип вне вероисповедного состояния» [14, с. 209].

Необходимо обратить внимание на мнение С. П. Мельгунова, который, рассматривая основные принципы правового государства, считал: «Равно охраняя религиозную свободу представителей всех без исключения вероисповедных групп, признавая атеизм, государство отделяет себя от вероисповедных интересов и окончательно сбрасывает с себя старую оболочку» [5, с. 8]. Исходя из вышеизложенного, непризнание невероисповедного состояния является препятствием к созданию правового государства, а также делает невозможным действие свободы совести в полном объеме.

Рассматривая западные модели выстраивания отношений государства и религиозных объединений, Столыпин приводил в качестве примера прусское законодательство. Оно ставит некоторые преграды свободе совести и свободе вероисповедания; оно требует, во-первых, предварительного заявления о переходе в другое вероисповедание, оно требует, затем, и уплаты со стороны отпадающего в продолжение двух лет повинностей в пользу той общины, от которой он отпадает. В школьном законодательстве прусское государство требует церковного обучения всех детей, даже не принадлежащих ни к какому исповеданию. В Австрии существуют свои запреты, а именно не признаются браки между христианами и нехристианами. В наиболее либеральной в плане религиозных отношений европейской стране – Швейцарии свобода совести подвергнута также некоторым стеснениям, в том числе не разрешается сооружать монастырей, не допускается проповедь иезуитов. Из этого Столыпин делает вывод: «Неужели, господа, если в других странах, более нашей индифферентных в религиозных вопросах, теория свободы совести делает уступки народному духу, народным верованиям, народным традициям, у нас наш народный дух должен быть принесен в жертву сухой, непонятной народу теории?» [14].

Однако не все были согласны со Столыпиным. Депутат от партии кадетов В. А. Маклаков, выступая в Государственной думе, критиковал премьер-министра и считал, что практическое отступление от принципа свободы совести может вызвать еще большие негативные последствия, чем приравнивание православия к иным религиям [2, с. 1786-1791].

Продолжая условную дискуссию со Столыпиным, можно привести мнение Ф. Руффини, который считал, что современное государство может уступать некоторым требованиям религии, которая является основной для большинства граждан. Но при этом государство не должно относиться с меньшим уважением и симпатией к верованиям меньшинства, то есть власть должна относиться к гражданам не с терпимостью, а даровать им свободу, потому что первая звучит как милостивая уступка государства гражданину, а вторая – как право гражданина к государству [12, с. 5].

Необходимо отметить, что существовала и иная точка зрения, например А. Д. Градовский был убежден в нереальности перспективы полного отделения Церкви от государства в Российской империи, тем самым заочно соглашался со Столыпиным [3, с. 203].

Более близкими по духу к мнению премьер-министра были рассуждения И. С. Бердникова, который полагал, что идеи свободы вероисповеданий и свободы совести являются следствием теоретических соображений, навеянных революционным опытом Европы, а не жизненной необходимостью российской государственности. Незбежной при указанной свободе будет анархия религиозной мысли, а также религиозный индифферентизм. Свобода совести, согласно Бердникову, противоречит христианской точке зрения и государственному строю Российской империи начала XX века, гражданами которой в основном являются православные христиане.

Председатель Совета министров играл огромную роль в реформировании законодательства в части межконфессиональных отношений, направляя работу Государственной Думы и кабинета министров, пытаясь найти точки соприкосновения в политике двух высших государственных органов власти. После смерти П. А. Столыпина правительство решило отказаться от разработки многих вопросов в части реформирования взаимоотношений конфессий и государства, что, безусловно, говорит о политическом таланте Столыпина, без которого работа не могла сдвинуться с мертвой точки. Работа в сфере взаимодействия парламента и министерств зашла в тупик в области разработки реформ законодательства, регулирующего вероисповедные вопросы. Об этом свидетельствует недовольство Николая II, который официально заявил, что в Думе «некоторые дела получили не то направление, которое мне представлялось бы желательным», данное высказывание касалось политической активности депутатов в области церковного вопроса [7].

Список литературы

1. Государственная Дума. Второй созыв: стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. СПб., 1907. Т. I.
2. Государственная Дума 3-го созыва: стенографические отчеты. Сессия 3. Ч. IV. СПб., 1909.
3. Градовский А. Д. Начала русского государственного права. Ч. 1 // Справка по вопросу об отношении церковного законодательства к государственному. СПб., 1914. 436 с.
4. Дневник А. А. Киреева // Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (РО РГБ). Ф. 126.
5. Мельгунов С. П. Церковь и государство в России в переходное время. М., 1909. 319 с.
6. Правительственное сообщение от 24 августа 1906 г. // Столыпин П. А. Программа реформ: документы и материалы. М., 2002. Т. 1.
7. Правительственный вестник. 1912. 9 июня.
8. Председатель Совета Министров Петр Аркадьевич Столыпин / сост. Е. В. Варпаховская. СПб., 1909. 278 с.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 10.
10. РГИА. Ф. 1276. Оп. 2.
11. РГИА. Ф. 1662. Оп. 1.
12. Руффини Ф. Религиозная свобода. История идеи. СПб., 1914. Вып. 1. 146 с.
13. Смолич И. К. История русской церкви. М., 1997. Кн. 8. Ч. 2. 799 с.
14. Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия...: полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906-1911 гг. М.: Молодая гвардия, 1991. 416 с.

**CONTRIBUTION OF P. A. STOLYPIN INTO DEVELOPMENT
OF LEGAL POLICY IN SPHERE OF INTER-CONFESSIONAL RELATIONS**

Forostetskii Mikhail Sergeevich

*Belgorod University of Cooperation, Economics and Law
belimperial-fm@yandex.ru*

The article reveals the contribution of Pyotr Arkadyevich Stolypin into the solution of inter-confessional conflicts during the period when he served as the Minister of the Interior of the Russian Empire, and later as the Prime Minister. The analysis of Stolypin's opinions and actions in the aspect of the development of legal policy in the sphere of inter-confessional relations is made on the basis of public speeches, letters and other written sources, and also the opinions of his contemporaries. The author makes a conclusion about the enormous contribution of P. A. Stolypin into the development of the freedom of conscience in the Russian society of the beginning of the XX century.

Key words and phrases: P. A. Stolypin; Prime Minister; inter-confessional problems; freedom of conscience; Russian Orthodox Church; State Duma.

УДК 321.72

Политология

В статье рассматриваются институциональные предпосылки типологизации политического консенсуса в транзитивном обществе. Определяются основы сопоставления политического консенсуса как явления переходных и устойчивых демократий. Выделяются условия достижения политического консенсуса в постсоветском обществе, позволяющие судить о его специфических, отличных от развитых демократий, чертах. Обсуждается применимость мотивационного подхода к достижению широкого политического консенсуса по частным вопросам в условиях устойчивой и транзитивной демократии. Представлены основные возможные типологии политического консенсуса в транзитивных обществах на основе пространственных, темпоральных, качественных характеристик.

Ключевые слова и фразы: политический консенсус; демократический транзит; субъекты консенсуса; типы политического консенсуса; политический диалог; политико-консенсусные отношения.

Хабарева Екатерина Константиновна

*Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, Украина
yekaterina.khabareva@yandex.ru*

**ТИПЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНСЕНСУСА В ТРАНЗИТИВНЫХ
ОБЩЕСТВАХ И ПРАКТИКА УСТОЙЧИВЫХ ДЕМОКРАТИЙ[©]**

Исследование процессуальных и институциональных основ демократизации в настоящее время требует качественно новых предметных основ для обобщения эмпирического материала. Модернизационные перспективы политических систем стран СНГ пользуются возрастающим вниманием научного сообщества.